

Перумов Ник
(Николай Данилович)

27.05.2000

Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

МАЙ - 2000

Еженедельное приложение к «НГ»

№ 20 (20), 27 мая 2000 г.

Выходит с января 2000 г.

Недавно издана газета

Вера Камша

-Н ИКОЛАЙ, вы неоднократно давали понять, что от американской жизни особого удовольствия не получаете. Кроме того, ваши книги идут нарасхват, сразу становятся бестселлерами, неоднократно переиздаются. Как же так вышло, что вы уехали?

— Я не могу писать книги с такой скоростью, чтобы жить в России на эти деньги. Чтобы писать, мне должно быть интересно в первую очередь самому. Мне и было интересно — все эти годы. Очень хотелось бы этот интерес утратить, превратиться в халтурица, выпекающего бесконечные приключения один раз удавшихся героям.

Я четыре года был профессиональным литератором и зарабатывал деньги исключительно писательством, причем, по местному выражению одной желанной леди, «не поступаясь принципами». Это было очень хорошее время, но 17 августа 1998 года оно кончилось, так что теперь я вновь, как в юности, стою за лабораторным столом. В этом, конечно, мало радости, но зато я не пишу конъюнктуру, могу работать над книгой до стадии, когда она меня удовлетворит. К тому же я понял, что нельзя замыкаться на «профессиональном писании», ибо чем больше занятий, чем богаче жизненный опыт, тем лучше книги получаются. Так что «перепрофилирование» мне не грозит. Я писал и буду писать классическую фэнтези. Но буду пробовать что-то и помимо этого, иначе захирею и зачахну.

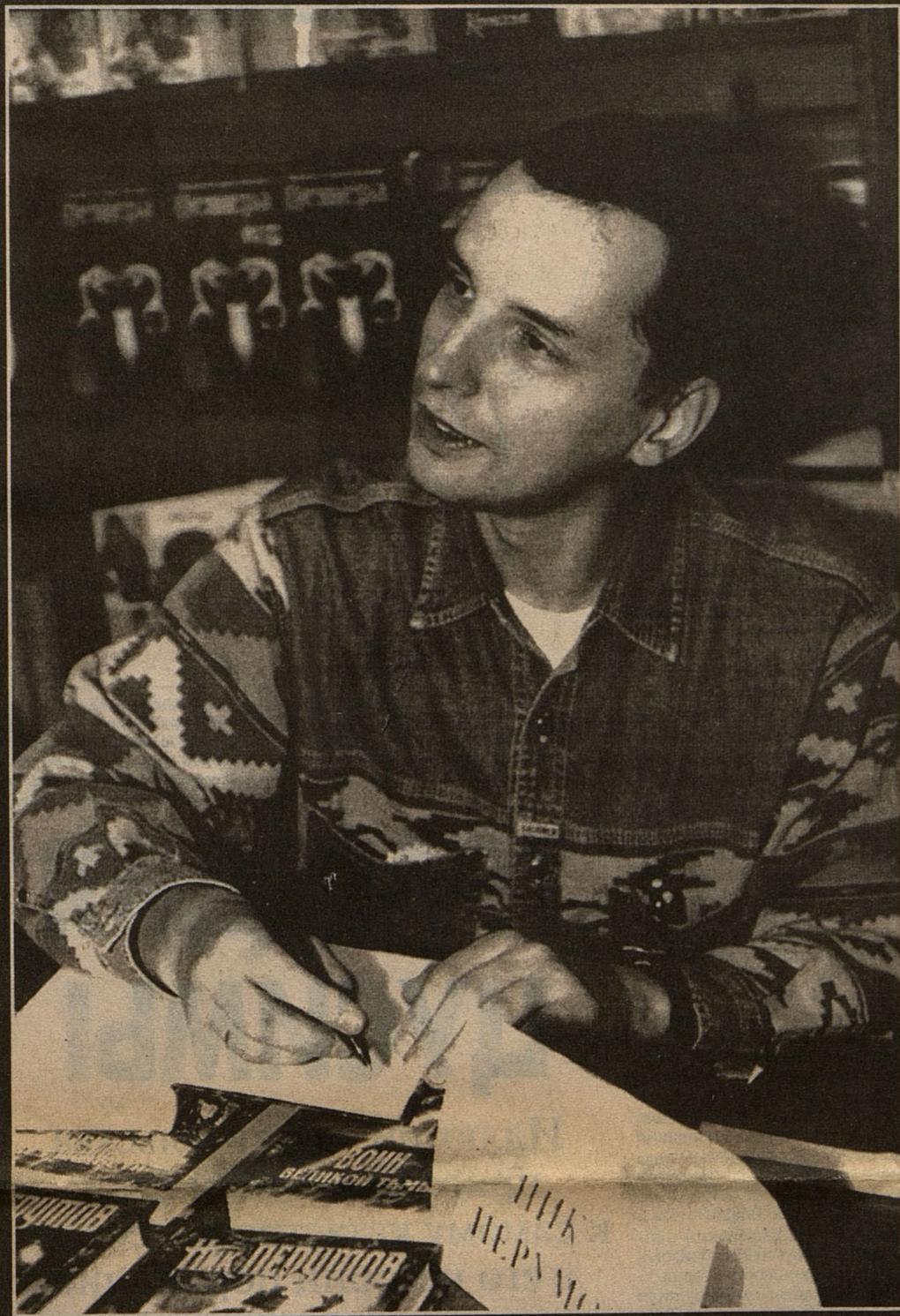
— А в Россию вы вернетесь?

— Я не эмигрант. Я не собираюсь добиваться вида на жительство ни в Америке, ни в Канаде, ни где-нибудь еще, а просто работаю по временным контрактам. Это женщины Америка очень нравится. Уж не знаю, что они в ней находят, но, раз побывав здесь, уезжать согласны только под конвоем и в наручниках. Мне же очень не хочется оставаться там навсегда. Во всяком случае, никаких шагов к этому я не предпринимаю. Конечно, вернуться в прежний, писательский, статус я вряд ли смогу, скорее уж найду какую-нибудь работу в России, связанную с биотехнологией.

— Вы провели в Америке достаточно времени, чтобы сделать какой-то вывод о тамошних жителях?

— Мне трудно судить о «коренных», «простых», «средних» американцах. А наука в США американская только по названию. Работает самый настоящий интернационал: китайцы, индуисты, японцы, русские, поляки, немцы, хорваты... Самых американцев — меньшинство. Но, сам собой, занимающее руководящие посты. Можно сказать, что это и в самом деле «страна контрастов» — советские пропагандисты не врал, нищих тут полно, редко на каком перекрестке не стоит оборванец с трогательной надписью по карточке: «Бездомный. Голодный. Помогите, чем можете». Так и хочется каждый раз добавить: «Сами мы не местные...»

Здесь, конечно, работают очень много. И получается какой-то замкнутый круг — для громадного большинства народа воспользоваться плодами «развитого капитализма» просто нереально. Отпуск мизерный. Полторы недели в год. Свой счет не возьмешь. Рабочий день не нормирован. В результате — «здесь живут, чтобы

НИК ПЕРУМОВ, НЕ АМЕРИКАНЕЦ

«Для всякого пишущего человека есть только один критерий успеха: читают его или нет»

Вокруг «Его Высокопреосвященства от фантастики» сосредоточились все мои «недрузья», а друзей, которых тут полно, редко на каком перекрестке не стоит оборванец с трогательной надписью по карточке: «Бездомный. Голодный. Помогите, чем можете». Так и хочется каждый раз добавить: «Сами мы не местные...»

Здесь, конечно, работают очень много. И получается какой-то замкнутый круг — для громадного большинства народа воспользоваться плодами «развитого капитализма» просто нереально. Отпуск мизерный. Полторы недели в год. Свой счет не возьмешь. Рабочий день не нормирован. В результате — «здесь живут, чтобы

зашитыми кумирами, но они пытаются защищать окончательно дисcredитировавшие или изжившие себя идеи. Не понимать того, что происходит, они не могут — люди они умные, их творчество говорит само за себя. Обыдно, что авторы

ничтожить», не задумываясь, что потом, не особо разбираясь в средствах. У Гумилева же формально не было ни одного антисоветского стиха, его творчество более тонко, а значит — и более опасно. Поэтому Гумилева мешает

— Ну, он-то как раз возник совершиенно логически. Даже тем,

кто про гномов только по «Белоснежке» судит, ведомо, что народ они низкорослый, хоть и жилический, и не могут обходиться без подружки друга. Естественно, что и воевать они должны сплоченным строем, а против конницы, да и просто против более длинноногих людей, им нужно

надежное оружие, сводящее на нет этот недостаток. Чувствуете, как перед глазами сам собой встает ощетинившийся колпаками, за

напалмовой атакой городов или брони хирд? Кстати, Андрей Сапковский во «Владычице озера» фактически это ме-

● К ГОДОВЩИНЕ ЦУСИМСКОГО СРАЖЕНИЯ

● КАК ПРОЖИТЬ ДЕНЬ БЕЗ ТАБАКА

● КТО СМОТРИТ КАНАЛ «КУЛЬТУРА»

● ПРОГРАММА ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА НЕДЕЛЮ

● ИЗ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ «НГ»

● КУЛЬТУРНАЯ АФИША НЕДЕЛИ

стр. 10

стр. 11

стр. 13

стр. 13

стр. 15

стр. 16

пруд пруди, только ни один из них не дошел до типографии. Но с этим, пожалуйста, не ко мне...

— Вы как-то обмолвились, что, прежде чем взяться за «свободное продолжение» «Властелина колец», вы его переводили. А где этот перевод сейчас?

— Остался в Питере в виде группы разрозненных рукописных страниц. Чтобы все это довести до ума, нужна громадная работа, а ее у меня и без того поля непаханые, да и «переболела» я этой темой. Так что если когда-то это и случится, то нескоро. Да и смысла особого нет. На рынке соперничают аж четыре перевода. У меня вообще накопилось столько начатых вещей, что самому страшно. Сам я их дело на две части. Те, которые могут быть или наверняка будут доведены до логического конца, и те, которые я не сделаю уже никогда и ни при каких обстоятельствах.

— Но вы тем и знамениты, что конец у вас вовсе даже и не конец, герой остается живы, но никто царем не становится, никто сильней не играет... Словом, широкое поле для читательского додумывания...

— Вообще-то написать о том, как жила Василиса Прекрасная с Иваном-дураком, идея богата... Сильными и воцарением тоже живы герои не заканчиваются. А в фэнтези даже смерть — не повод для того, чтобы ставить точку. Все расписывать имеет смысл только в бухварях. Если угодно, можете рассматривать недосказанность моих книг как стимулацию читательской фантазии, творческого начала.

— Николай, а почему вы пишете именно сказки? Пусть для взрослых, но все-таки...

— Антураж волшебный наши пращуры изобрели для передачи каких-то моральных максим, других важных для них вещей. Это, наверное, наиболее естественный способ.

Но я не морализатор и не про-поведник. Я исследую механизм возникновения этих максим, я исследую последствия этих максим, я исследую то, к чему может привести отказ от этих максим. И, разумеется, пытаюсь облечь это в форму, которая интересна. А внимание-то заслуживает только одно (что и привлекает читателей) — человеческий характер в экстремальных условиях. Фэнтези, волшебная фантастика представляет собой идеальную возможность для исследования столкновения половины его собственного подсознания. Я могу поставить вопрос о том, где все же не уцелело ни одного языческого праздника. То есть какие-то внешние проявления сохранились, вынужденно замаскированные под христианские, но скрытый смысл их был утрачен. Забыт смысл обряда, смысл резьбы на коньке крыши и узора на женском платке. Все это обесмыслилось (в массе своей), и сплошь Джоны Смиты, а отнюдь Монтигоми Ястребиный Коготь. Уничтожен язык, точнее, языки индейцев.

У нас же не уцелело ни одного языческого праздника. То есть какие-то внешние проявления сохранились, вынужденно замаскированные под христианские, но скрытый смысл их был утрачен. Забыт смысл обряда, смысл резьбы на коньке крыши и узора на женском платке. Все это обесмыслилось (в массе своей), и сплошь Джоны Смиты, а отнюдь Монтигоми Ястребиный Коготь. Уничтожен язык, точнее, языки индейцев.

Сейчас, впрочем, «социальная фантастика» пытается вновь обрести почву под ногами, но я бы не сказал, что это удастся. Люди устали и от самоуничижения, и от беспыходности, им хочется поверить в себя, вдохнуть какой-то свежий ветер, понять, что, пойдя на определенные, иногда очень большие жертвы, можно вырваться из гнусной клетки, в которой мы все оказались. Вот почему сейчас жанр фэнтези востребован властными структурами со своими гонителями.

Сейчас, впрочем, «социальная фантастика» пытается вновь обрести почву под ногами, но я бы не сказал, что это удастся. Люди устали и от самоуничижения, и от беспыходности, им хочется поверить в себя, вдохнуть какой-то свежий ветер, понять, что, пойдя на определенные, иногда очень большие жертвы, можно вырваться из гнусной клетки, в которой мы все оказались. Вот почему сейчас жанр фэнтези востребован властными структурами со своими гонителями.

Другое дело, что русский народ перенарвал заморскую отраву и сумел создать из веры рабов то зна-
мия Спаса — Ярос Око, которое вывело нацию на Куликово поле. Здесь я почти смирился с РПЦ и даже отдал дань уважения, но сколько же было потрачено зря сил и пролито крови! Хотя, безусловно, православие из всех прошлых религий наименее человечно и терпимо. Потому что не только религия калечила душу народа, но и народ облагораживал религию.

— Да, видно не зря кое-кто называет вас еретиком и язычником!

— Я действительно не принадлежу к христианской конфессии. Наверное, я атеист, но какого-то нового образца. «Высшие силы» меня интересуют как предмет для литературного исследования, но моя собственная душа к ним не лежит. Всюду, где боги начинают судить смертных или тем более кониницы, да и просто против боевого строя, они теряют свою божественность. Поэтому я с большим подозрением отношусь, например, к ветхозаветным сказаниям об уничтожении Богом Яхве племен напалмовых атак города или брони хирд? Кстати, Андрей Сапковский во «Владычице озера» фактически это ме-

— Ну, он-то как раз возник совершиенно логически. Даже тем, кто про гномов только по «Белоснежке» судит, ведомо, что народ они низкорослый, хоть и жилический, и не могут обходиться без подружки друга. Естественно, что и воевать они должны сплоченным строем, а против конницы, да и просто против более длинноногих людей, им нужно

тить, превратиться в халтуршика, выпекающего бесконечные приключения один раз удавшихся героям.

Я четыре года был профессиональным литератором и зарабатывал деньги исключительно писательством, причем, по меткому выражению одной железной леди, «не поступаясь принципами». Это было очень хорошее время, но 17 августа 1998 года оно кончилось, так как теперь я вновь, как в юности, стою за лабораторным столом. В этом, конечно, мало радости, но зато я не пишу контынктуру, могу работать над книгой до стадии, когда она меня удовлетворит. К тому же я понял, что нельзя замыкаться на «профессиональном писании», ибо чем больше застий, тем богаче жизненный опыт, тем лучше книги получаются. Так что «перепрофилирование» мне не грозит. Я писал и буду писать классическую фантастику. Но буду пробовать что-то и помимо этого, иначе захирю и захахну.

— А в Россию вы вернетесь?

— Я не эмигрант. Я не собираюсь добиваться вида на жительство ни в Америке, ни в Канаде, ни где-нибудь еще, а просто работаю по временным контрактам. Это женщинам Америка очень нравится. Уж не знаю, что они в ней находят, но, раз побывав здесь, уезжать согласны только под конвоем и в наручниках. Мне же очень не хочется оставаться там навсегда. Во всяком случае, никаких шагов к этому я не предпринимаю. Конечно, вернуться в прежний, писательский, статус я вряд ли смогу, скорее уж найду какую-нибудь работу в России, связанную с биотехнологиями.

— Вы провели в Америке достаточно времени, чтобы сделать какой-то вывод о тамошних жителях...

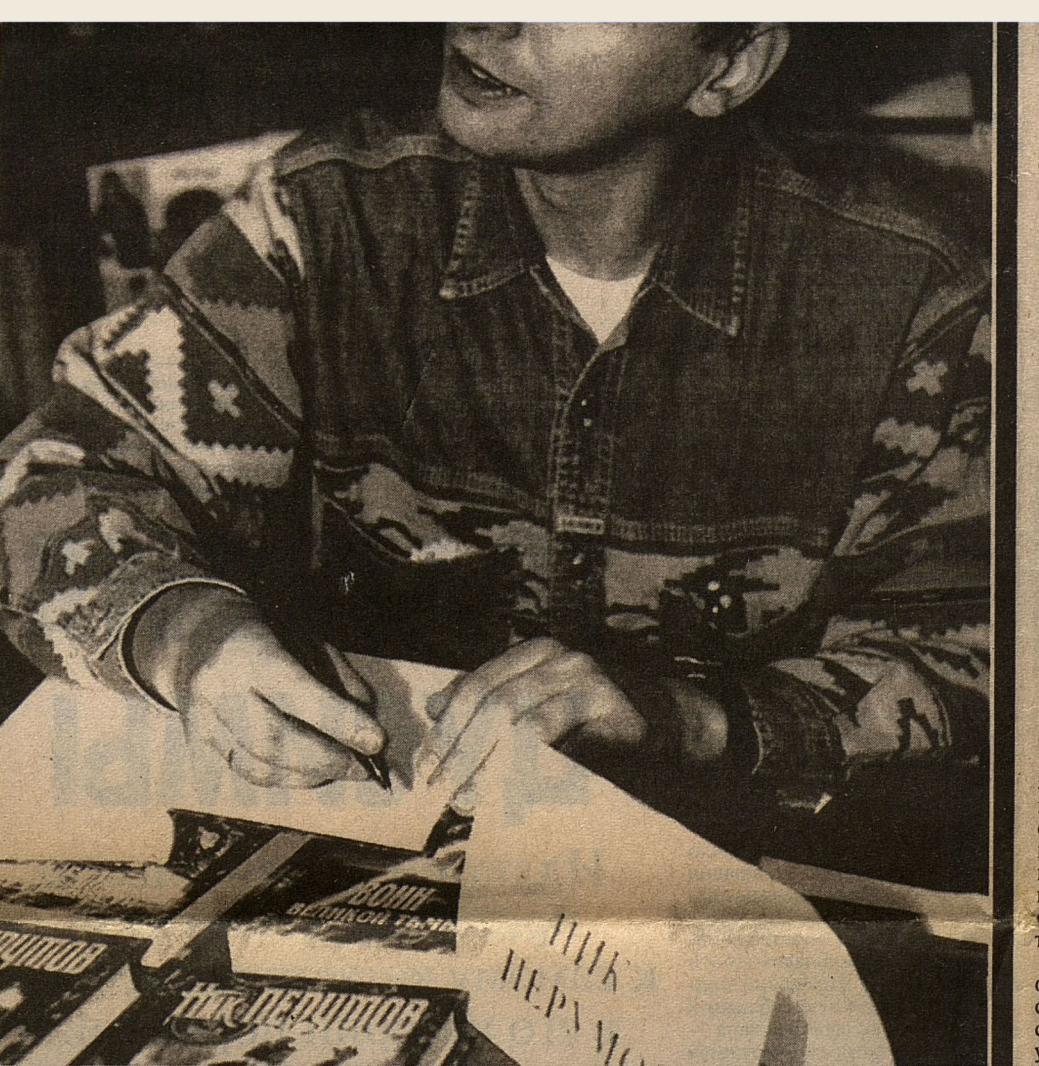
— Мне трудно судить о «коренных», «простых», «средних» американцах. А наука в США американская только по названию. Работает самый настоящий интернационал: китайцы, индузы, японцы, русские, поляки, немцы, хорваты... Самых американцев — меньшинство. Но, сам собой, занимающее руководящие посты. Можно сказать, что это и в самом деле «страна контрастов» — советские пропагандисты не врали, никаких тут полно, редко на каком перекрестке не стоит оборванец с трогательной надписью по карточке: «Бездомный. Голодный. Помогите члену семьи может». Так и хочется каждый раз добавить: «Сами мы не местные...»

Здесь, конечно, работают очень много. И получается какой-то замкнутый круг — для громадного большинства народа воспользоваться плодами «развитого капитализма» просто нереально. Отпуск мизерный. Полторы недели в году. За свой счет не возьмешь. Рабочий день не нормирован. В результате — «дескать живут, чтобы работать, работают, чтобы платить по счетам, следовательно, живут, чтобы платить по счетам». И в этой шутке, увы, слишком много правды. Здесь нельзя болеть, нельзя иметь плохое настроение. Нужно быть «а-ок», «doing just fine», «I'm pretty good». Хотя прекрасно известно, что мало кто на самом деле «файн» и «перфект». И это создает ощущение глобального, всеобъемлющего лицемерия. К этому мне, признаюсь, до сих пор трудно привыкнуть.

— Почему при столь явной популярности вас тщательно обходят литературные премии?

— Ну, наверное, мои собратья по перу не считают меня достойным. Ситуация же, при которой я мог бы получить награду, один к одному укладывается в известную сцену из «Трех мушкетеров», когда Кардинал предлагал л'Артанье перейти на его сторону. Д'Артаньян очень уважает Его Преосвященство («кардинал Франции не может предложить ничего недостойного»), но точки над «и» расставлены: есть друзья, служащие королю, и есть враги — сторонники кардинала. В глазах друзей согласие будет предательством, а враги никогда не превратятся в друзей. Так и у меня.

Разумеется, я ни с кем не бился на шагах в уединенном аббатстве, но литературное противостояние, отягощенное эмоциями, имеет место. Борьба стилей и борьба направлений, борьба за некое утверждение того, чье слово вызывает большший отзвук, имеет место.

НИК ПЕРУМОВ, НЕ АМЕРИКАНЕЦ

«Для всякого пишущего человека есть только один критерий успеха: читают его или нет»

Вокруг «Его Высокопреосвященства от фантастики» сосредоточились все мои «недрузы», а друзей, которые мне верят, подводят и не хочу и, наверное, уже не могу.

— Хорошо, если дело не в личной неприязни, поговорим о борьбе направлений.

— Извольте. Одно из них уходит своими корнями в романтизм и богоцарство (русское, английское, античное). Моя корни в нем, и в нем же корни Гумилева, который был величайшим и, наверное, последним романтиком в классическом, литературоедическом смысле. Отсюда и его убежденность, что «не все пересчитаны звезды» и стремление «все выше и вперед». Второе направление было совершенно исклучено (уверю вас, после 1917 года этим не занимался только ленивый).

— Чем еще дорог вам Гумилев?

— Тем, что он брал из имеющейся в его распоряжении реальности какие-то кирпичики, но строил из них что-то совершенно свое. Он полагал, что развивает и совершенствует стихосложение, а в действительности создавал новый жанр, окончательно сформировавшийся в «Поэме начала», где появляется Золотой дракон, повелитель древних рас; древнее существо, собравшее все знания мира и долженствующее передать его идущим на смену.

То, что за Гумилевым длительное время никто не мог последовать прямиком, разывая его мифологический подход, — результат, скажем так, общего состояния страны и, как следствие, литературы. Интересно, что практически вся запрещенная литература была литературой «прямого действия», там разными способами растолковывалось, какие плохие большевики и как их нужно поскорее «из-

ничтожить», не задумываясь, что потом, не особо разбираясь в средствах. У Гумилева же формально не было ни одного антического стиха, его творчество более тонко, а значит — и более опасно. Поззия Гумилева мешает человеку быть рабом, мешает не внешне, а внутренне, дает блокоток свежего воздуха. Только этим я могу объяснить, что другие «опальные поэты» хотят как-то издавались: Ахматова и Мандельштам, и Пастернак, и Заболотский. Даже автор «Оканьных дней» Бунин. А у Гумилева были только полноправные перепечатки тех сборников начала века, на которых я, собственно говоря, и вырос.

Кстати, и сейчас Гумилев категорически не подходит под миро-вопреки людей, находящихся у духовного руля. Поднятые сегодня на шест Мандельштам и Пастернак, и Бродский — поэты совершенно определенной идеологической генерации. Их произведения несут некую сверхзадачу, которая вполне укладывается в мироощущение шестидесятников, являвшихся сейчас владельцами некоей монополии на демократические взгляды. А Николай Гумилев не влезает ни в какой стандарт, его нельзя всунуть в мундир определенной окраски.

— А зачем это делать?

— Незачем. Но у нас принято все делить на «наших» и «немецких». У одних сегодня Проскурин, Бондарев, Куниев — «черные» (то есть «красно-коричневые»), а Бродский, Окуджава, Довлатов — «белые» (то есть свой брат демократ-правозащитник). У других, соответственно, все наоборот. А Гумилев не подходит под черно-белое деление. Он цветной. И при этом еще неизвестно, какими способами растолковывалась, какие плохие большевики и как их нужно поскорее «из-

ничтожить» эти традиции вихаря почитают Чайзей или порнографы, прикрывая их сверху Фолкнером. Они обожают критиковать «развлекательный жанр», называя всем своим эстетическим штампами. Вы не представляете, сколько народа у нас кормится за счет выискивания в словесных потоках у тех, кто именует себя постмодернистами (а на самом деле просто не в ладах с грамматикой русского языка), какого-то второго, третьего, двадцатого смысла.

— А как вы оцениваете ситуацию в лагере ваших идеальных противников на фоне фантастической части?

— Их направление очень долго питалось великим противостоянием интеллигентии и советской системы. Используя противостояние — и оказалось, что умение в очередной раз путем намеков и эпикон показать, как ужасен тоталитаризм вообще и «реальный социализм» в частности, никому не нужно. Можно, конечно, всю жизнь ловить отсутствующую кошку в темной комнате, особенно если за это тебе платят западные фонды защиты свободного слова, демократии, частной собственности и обезьяны, — любимое занятие наших «правозащитников» во главе с господином Сергеем Адамовичем Ковалевым. Задача только то, чтобы поборники демократии и борцы за права человека прекрасно уживались во властьных структурах со своими гонителями.

Сейчас, впрочем, «социальная фантастика» пытается вновь обрести почву под ногами, но я бы не сказал, что ей это удается. Люди устали и от самоуничтожения, и от безысходности, им хочется поверить в себя, вдохнуть какой-то свежий ветер, понять, что, пойдя на определенные, иногда очень большие жертвы, можно вырваться из гнусной клетки, в которой все оказались. Вот почему сейчас жанр фэнтези востребован в большей мере.

— То есть все зависит от настроения читателей?

— Для писателя всегда самое важное то, как покупаются его книги. Написание книги — это создание мира, в котором живут, страдают, гибнут живые души. Рукописи должны быть нужны людям, должны издаваться, должны продаваться, вот тогда они не горят, а писательская работа имеет смысл. Если же ты работаешь для кучки приятелей или подобных тебе литераторов (по принципу Кукушки и Петуха), ты просто «человек, балующийся первом», и не имеешь права называть себя писателем. Для всякого пишущего человека есть только один критерий успеха: читают его или нет.

— Но какое волшебное слово к читателю вы знаете? Поделитесь своим секретом.

— Если ты хочешь, чтобы тебя покупали, не говори с русскими людьми по-китайски или по-арамейски, не считай себя умней и выше тех, с кем разговариваешь через свои книги. Не объясняй свой неуспех тем, что твои читатели, дескать, настолько ниже тебя, что не понимают своего счастья. И вместе с тем не пытайся угодить всем, не вылекай штампованных историй, не пинай мертвого льва, не издавайся над вещами связанными или хотя бы уважаемыми. Тем более если это, как сейчас, совершенно безопасно для того, кто издается над собственной страной. И опасно для тех, кто будет жить в этой стране в будущем.

— Николай, если не ошибаюсь, вы сейчас усиленно готовите очередную бурю в стане любителей фантастики — и не только в нем. Я имею в виду роман, над которым вы работаете. Фэнтези из истории Великой Отечественной (надо же до такого додуматься!).

— Эта тема меня преследует уже несколько лет. В истории России есть совершенно необычайные с точки зрения материализма вещи. Когда победить было невозможно, но победа приходила. Хочется верить, что эта вещь будет действительно в каком-то смысле этапной, тем более что шел я к ней постепенно. «Русский меч» был, если можно так выразиться, разведкой боем. Продолжившее тему «Выпарь железо из крови» было просачиванием в тыл врага, диверсиями и первыми залпами артподготовки. «Случай под Кубинкой» (которой, не исключаю, присоединится и Прохоровка)

— А зачем это делать?

— Незачем. Но у нас принято все делить на «наших» и «немецких». У одних сегодня Проскурин, Бондарев, Куниев — «черные» (то есть «красно-коричневые»), а Бродский, Окуджава, Довлатов — «белые» (то есть свой брат демократ-правозащитник). У других, соответственно, все наоборот. А Гумилев не подходит под черно-белое деление. Он цветной. И при этом еще неизвестно, какими способами растолковывалась, какие плохие большевики и как их нужно поскорее «из-

ничтожить» эти традиции вихаря почитают Чайзей или порнографы, прикрывая их сверху Фолкнером. Они обожают критиковать «развлекательный жанр», называя всем своим эстетическим штампами. Вы не представляете, сколько народа у нас кормится за счет выискивания в словесных потоках у тех, кто именует себя постмодернистами (а на самом деле просто не в ладах с грамматикой русского языка), какого-то второго, третьего, двадцатого смысла.

— Но уж так сложилось, что право писать с Великой Отечественной молчаливо признано только за теми, кто ее прошел. Мне кажется, это не совсем справедливо.

— Вы упомянули о том, что в российской истории случалось невозможное. Но, может быть, в чудесах подобного рода уместнее говорить с представителями Церкви?

— У меня с Церковью отношения весьма сложные. К примеру, я считаю принятие христианства величайшим бедствием для России.

— ??

— Под корень была уничтожена оригинная и самобытная славянская культура. На мой взгляд, ситуация весьма сходна с тем, что затем произошло в Америке. Культура индейцев насчитывала несколько тысячелетий — уничтожена в течение пятидесяти лет. Полностью, под корень. Вплоть до имен. Индейцы теперь все сплошь Джоны Смиты, а отнюдь не Монтгомери Ястребиной Коготь. Уничтожен язык, точнее, языки индейцев.

У нас же не уцелело ни одного языческого праздника. То есть как-то-точка-то внешние проявления сохранились, вынужденно замаскированные под христианские, но скрытый смысл их был утрачен. Забыт смысл образов, смысл резьбы на коньке крыши и узора на женском платке. Все это обесценилось в массе своей, и спроси теперь какого-нибудь индейца: «Что это за кресты идут, а не иначе, — не ответят...

Другое дело, что русский народ перенес заморскую отраву и сумел создать из веры в работы края — Спаса — Ярослава. Которое вывело нацию на Куликово поле. Здесь я почти смирюсь с РПЦ и даже отдаю дань уважения, но сколько же было потрачено зря сил и пролито крови! Хотя, безусловно, православие из всех проявлений христианства наиболее человечно и терпимо. Потому что не только религия калечила душу народа, но и народ облагораживал религию.

— Да, видно не зря кое-кто называет вас еретиком и язычником!

— Я действительно не призываю в праве судить практики всем и очень не люблю тех, кто берется это делать. Кто может измерять дела и мысли отдельных людей и целых народов, кто вправе держать эти весы? Прежде чем судить какого-нибудь поступок или явление, нужно либо совершить его и прощевствовать все последствия, либо совершив его, удержаться в аналогичной, а то и более острой ситуации. Разумеется, я говорю не об уголовном законодательстве, а о неком «высшем» суде.

— В теории войн-фэнтези вы ощущаете вклад внесли. Чего стоит один только боевой гномий строй...

— Ну, он-то как раз возник совершил логически. Даже тем, кто про гномов только по «Белоснежке» судит, ведомо, что народ они низкорослый, хоть и жилистый, и не могут обходиться без поддержки друга. Естественно, что и воевать они должны сплошным строем, а противники, да и просто против более длинноногих людей, им нужно наядное оружие, сводящее на нет этот недостаток. Чувствуете, как перед глазами сам собой встаёт ощущение, что ты слишком криво, что народ в броню хидр? Кстати, Анджей Сапковский во «Владимире-Чинце озера» фактически это мое изобретение и описал. Я, когда читал, долго смеялся. И если уж говорить о гномовых обычаях, я горжусь тем, что пиво было признано национальным напитком гномов именно после моего «Кольца тьмы».

— Как быть с главным аргументом ваших критиков, что «Толкина все было не так»?

— А я никогда и не ставил перед собой задачи воспроизвести буквально все до единого известные постулаты Профессора. Тем более что «официальные данные» более чем скучны. И, наконец, не зря же у меня надзаголовок «свободное продолжение».

К тому же в любом конфликте всегда существует две правды. К примеру, победа нацизма в Германии — во многом пол полюстров и уничижительных условий варварского мира. Кстати, унижать кого бы то ни было столь же умно и дальновидно, как играть с огнем, сидя на пороховой бочке. Особенно если речь идет о великом народе, имеющем тысячелетнюю историю.

Я старался показать своими книгами, что, когда Сила, неважно какая (она может называться себя и Светом, и Тьмой, цвет и символика ничего не определяют), начинает распоряжаться, «указывать», она скатывается к импотенции, лжи, жестокости и мелочности.

— Недавно в двух крупных московских изданиях вас в очередной раз обвинили в кровожадности, а ваши читатели в том, что они либо цитируют, «грязные толкнисты с Эглодара, либо сатанисты из ДК Горбунова».

— Антисемитом,

православием только миризес, эллинистами считаете завистниками и садистами... Но хоть чьи-нибудь боги вам симпатичны?

— Я люблю скандинавские мифы из их особенный трагико-героический наследия, не признающий хеппи-эндов. Все погибнут в последней битве и знают об этом, но перед этим все равно постараются победить!

— Николай, а вас не тянет иногда вызвать кого-то на дuel или вместе с вашими почитателями побегать по лесам с мечом в руке?

— Это вы о ролевых играх? Хотите верьте, хотите нет, но я ни на одной ролевой игре не раз был. В том числе и потому, что оружие отпускаю очень серьезно. Это у меня в крови, воле. После настойчивой кованой сабли как-то неуместно браться за деревяшки... А то дуэли, то, когда дело доходит до реальной драки, далеко не всегда побеждают рыцарская доблесть и правое дело.

— А так называемый Божий суд?

— Если ты пускаешь в ход то, что умеешь, на тебя есть преимущество над человеком, который этого не умеет. Поэтому «Божий суд» путем поединка — это вообще фикция. При условии, разумеется, отсутствия богов. Но в нашем плаще реальности нет. Еще король Артур говорил Ланселоту, когда тот очередной раз собирается кольцом и мечом отстаивать невиновность Гиневры: ты слишком поглощен кольцом на свое оружие и слишком часто ты объяняешь истиной то, что выступает.

— Интересные вариации на тему «а судьи кто»...

— Лишь я отказываю в праве судить практически всем и очень не